

Здесь русский дух, здесь Русью пахнет! Так можно бы воскликнуть сегодня в Париже, в Нью-Йорке, даже в Стамбуле. Наш прыжок в рынок дал за границей потоп «нуборюссов», новых русских. Тех, кто решил спастись от домашней нищеты бегством на Запад и сейчас вливается зубами в чужую жирную жизнь, срывает ногти, только бы осесть там, удержаться, принасть к валютному родинку.

Чаще, чем реке, нуборюссы — люди творческие. На оперный голос и быстрые ножки на пуантах спрос там всегда более постоянен, чем на мемуары акушеров перестройки. Поэтому хотя четвертую эмиграцию и называют в Париже экономической, она во многом творческая.

Это любопытное явление вместе со мной рассматривает в свой лорнет Александр ВАСИЛЬЕВ. Кто он?

В начале 80-х — выпускник постановочного факультета Школы-студии МХАТ со странным пристрастием к коллекционированию старинных зонтиков, вуалей, кошачьих. Сегодня — гражданин Франции, точнее, мира, которому удалось поймать свою Синюю птицу — сделать блестящую творческую карьеру на Западе. Но как многое в жизни — это случайность. Его с тем же успехом могли убить в Афганистане.

Вредный элемент

— Саша, вы переселились в Париж в 82-м. Женились на француженке. Позвольте, я устрою вам сейчас «парауловский момент истины». Скажите честно, вы женились, чтобы выехать? Чистый расчет или роман? — Расчет, роман, я даже не хочу вдаваться в эти подробности. Она была из Бордо, стажерка в Московском университете, учила русский. Сейчас она мать троих детей — не моих — и живет с ее любимым французским мужем. Кажется, она счастлива, что выполнила свой гражданский долг. Так что да, я выехал, потому что женился, но женился, чтобы выехать...

Мы сидим в квартире на Фрунзенской, которая могла быть интересом какой-нибудь чеховской пьесы. Мебель красного дерева, старинные безделушки и витая юбка над всем этим дух потомственной московской интеллигентности. Дух по-прежнему гоимый, слабющий, но живой. Вошла, предложила чаю Татьяна Ильичина, мать Саши, в прошлом актриса, ныне преподаватель Школы-студии МХАТ. Со стен смотрят полотна кисти Александра Васильева: отца, театрального художника, живописца с именем.

Мир театра. Он был Сашиним миром с детства, этот пыльный полумрак кулис и нервная, умноженная зеркалами суета артистических уборных, где шелест шелк костюмов и стоит вековой, впитавшийся в поры стен запах ланолина и грима.

Говорят, мать приносила его сюда еще в пеленках. В пять лет он придумал костюмы для кукол в каком-то детском спектакле. Сегодня, в 34, он предлагает мне полистать так называемое пресс-досье — альбом с вырезками. О нем самом. Килограммов пятнадцать интервью, эссе, снимков. Нет ни одного крупного, причастного к искусству, к моде международного или французского журнала — «Вог», «Харперс базар», «Эль», «Пари-матч», «Жур де Франс», «Дешев-мод», «Пик», остальное впишите сами, — который бы ни поклонился

таланту Александра Васильева, известнейшего и, пожалуй, единственного русского театрального художника, работающего сегодня на Западе.

Он оформил более 50 опер и балетов в 16 странах мира.

Его декорации и костюмы, безупречно точные и поэтично изысканные, украшают сцены Национального театра Великобритании, Государственного театра в Бонне, Королевского балета Бельгии, Национального балета Португалии, Национальной оперы и Национального театра в Рейкьявике, городского театра в Люцерне, Уиллис-балета в Техасе... Анкара, Осака, Глазго, Гонконг, Сантьяго — везде цвет и линия, найденные Васильевым, пришлись по вкусу, стали весомой составной местной театральной культуры.

Мэр Парижа Жак Ширак распорядился выделить художнику помещение, где тот мог бы хранить свою охватывающую лет двести коллекцию костюмов и аксессуаров. Мэр понимает: коллекция не мертвый груз и не частная отаграда. Кроме того, Васильев — лектор, педагог. Знаменитого знатока истории костюма жаждают послушать в академиях искусств Старого и Нового Света.

Все вместе это называется, кажется, звездный час. Для Александра Васильева он наступил задолго до нынешнего нашествия нуборюссов на Запад. Причем навстречу удаче его толкнула поначалу не своя — чужая, враждебная воля.

— Мой отъезд из России я рассматриваю вовсе не как эмиграцию творческую или политическую. Это была ссылка. Вынужденная ссылка...

Вот сюда, в эту квартиру на Фрунзенской, вломились люди с повесткой: Васильеву явиться в 6 утра на призывной пункт для отправки в Афганистан. Могли ли они на самом деле всучить ему «каланикова» вместо колонковой кисти и бросить против молжахеда? Александр до сих пор этого в точности не знает. Знает другое — его крепко пугали, вынуждая к бегству.

Любимка давно заприщепила этого студентика. Он был слишком общителен: масса друзей и все какие-то иностранные дипломаты, стажеры, какие-то подозрительные походы в посольства и ВТО, странные чаепития на дому. Словом, логово космополитизма. И, конечно, не случайно этот Васильев оказался в тени международного скандала. Москва помнит этот случай: еще в брежневские времена некая русская женщина устроила голодовку протеста, что ее не пускают к французскому мужу. А у женщины была дочка, а у этой дочки — олятаки роман с Сашей Васильевым.

Уже в Париже, в советском посольстве, где Александр хотел было продлить визу, наш консул обрадовал его: снова пиццут из райвоенкомата, надо вас срочно депортировать в Москву, вот отслужите годика три, потом посидите невыездым как имевший доступ к военной технике, дальше видно будет.

«Но я бы на вашем месте не возвращался», — с неожиданным состраданием вдруг молвил дипломат. «Все мы не вчера родились, знаем, на какой должности сидит на самом деле, наш консул, — вспоминает этот разговор Васильев. — Если он позволил в мой адрес такое, можно сказать, снисхождение, значит, ему сказали: этого мальчика оставь за границей. Думали, буду мять где-то окна и спокотно дожидать свой век. Для них я был вредным элементом...»

Мыл Васильев, мыл эти проклятые окна. Убирал в эмигрантских семьях квартиры. Учился, как надо заправлять у них, во Франции, кровать. Без языка на первых порах, без связей, он не чурался никакой работы.

Его бросили, как котенка, в стихию чужой, требующей крепких локтей и невероятного напряжения жизни, и он поплыл.

Строка под дождем

А через два месяца улыбулось: провинциальный театр в Пуатье дал оформить спектакль по пьесе «Палесса Иоанна» — о женщине, которая стала папой римским в XIII веке, а потом случайно обнаружились, что она родила. Спектакль заметила критика. Особенно историческую, но поэтическую правду его декораций, костюмов. Кто-то художник? А, Александр Васильев... Так палесса Иоанна родила заодно новую международную звезду.

Новое русское имя пало на благодатную почву. Во Франции, наверное, никогда не испарится ностальгия по русским домам мод, где выброшенные большевистской революцией княгини, графини торговали последним, что у них осталось, — красотой и вкусом, подрабатывая манекенщицами и модистками. Многие живы и сейчас — 90-летние старухи с прекрасными русскими лицами, какие выродились на самой Руси, с божественным русским языком, который на той же Руси замусорен всей этой «топ-хит-шейн-шоу-кинди-види-ваучеризацией». Лучшие гены России спаслись под небом Парижа.

Когда-нибудь Васильев напишет об этом книгу. Есть километры магнитфонных записей, коробки фотоснимков. Есть и заголовок — «Красота в изгнании».

Неумирающая память об этой красоте помогла и изгнаннику четвертого поколения — Васильеву. Его заметили, а потом взяли под свое крыло парижские апостолы театрального искусства: художник журнала «Мир искусства» Бушен и не кто иной, как сам Эрте. Тот Эрте, что приехал из России в 1913-м, создавал модели для Мата Хари и Анны Павловой, а позднее сделал свое имя синонимом стиля «арт-деко», который сам же изобрел.

— Когда Эрте умер, он пригласил меня на свои похороны. Нет-нет, я не отговорился. Художник заранее составил список гостей на церемонии своего ухода из этого мира. Его гроб — черное дерево в стиле «арт-деко» — поразил воображение. Подозреваю: дизайнером был он сам. Последний росчерк мастера...

Сегодня Александр Васильев сидит где-то на вершине своей мировой популярности и наблюдает оттуда то, что можно назвать настоящим исходом талантов из нашей страны. Наблюдает заинтересованно, с состраданием. Но, надо признать, не без легкого налета превосходства.

Пройти по его следам сейчас неизмеримо труднее. Дело не только в

Чего это
стоит —
вживить
себя
в другой
мир
и избежать
отторжения

том, что нуборюссы подлища, конкуренция стерла всю экзотику и новизну, а Запад, защищая свой рынок труда, уезжал себя замками свирепых иммиграционных законов. Есть еще один фактор. Можно ликовать по поводу распада коммунистической империи. Славить вновь обретенную свободу государств СНГ, закупивать вентили своих нефтепроводов и делить поровну стулья в бывших советских посольствах. Но трудно отрицать, что с развалом Союза зарубежное восприятие того, что от нас осталось, деградировало, размылось, как чернильная строка под дождем. Это отражается и на людях искусства, прибывающих сейчас стройными майскими колоннами на Запад. Их порой воспринимают как нечто мелкое, муравьиное. Беженцы из Бангладеш — только со скрипками или в балетных пачках...

Бесконечная вереница судеб, бесконечная личная драма. Все это разыгрывается на глазах у Васильева. Десятки «беглых балетных» звонят ему и, конечно, просят пристроить. Он должен чувствовать себя святым отцом в исповедальне, куда несут расудить и алчность, и творческую мечту.

— Проблема балетных какая? Что не все Нижинские и не все Тамары Карсавины. Они убегают из маленьких трупп, откуда-нибудь из Новосибирска или из Молдовы, где были в кордебалете или на небольших сольных партиях. Они свято верят, что русская школа замечательно своей классикой. Не ведают они одного: французская школа эту классику уже догнала. Скажем, выпускники парижской «Гранд-опера» танцуют на высочайшем уровне. Не только техническом, но и выразительно-эстетическом, который у нынешних русских исполнителей соскальзывает круто вниз. Им трудно найти работу...

Правда, вспоминает Васильев, кое-кому удается быстро напасть на золотую жилу. Не так давно одна из бывших артисток Большого удачно устроилась в Париже в голое кабре («Крейзи хорс»). Дома была в кордебалете, здесь выбилась в прыжки.

— Огромный успех! Говорят, выше всех ноги поднимает. Грузинская фамилия какая-то, сейчас не припомню...

Русская осконина

Нынешнее полувое нуборюссы, как ни странно, несет с собой и про-

буждающееся чувство патриотизма.

Такого не было со времен Дягилева — возникают эмигрантские труппы. Наши балетные сбиваются в пятерки, шестерки и отправляются вместе в турне. Тут они перебегают дорогу мелким коллективам, составленным уже на родине специально для зарубежных гастролей. Всякого рода «Звездами киевской оперы» или «Артистам из Сибири». Сперва они плевали французских импресарио тем, что просили мало денег. Теперь же приличных площадок им больше не дают, приходится скитаться по городам и весям.

Известен эффект перенасыщения, когда в чаше уже не растворяется сахар. То же постигло сегодня наш экспорт искусства, считает Васильев. Только в Париже в последние месяцы толпились пять-шесть русских трупп, самых известных: Большой, Мариинский, «Березка», ансамбль Моисеева, цирк. Зритель набил русскую осконину.

— Они бывали здесь и во времена застоя, и при Горбачеве, и теперь. Их репертуар сидит в печенках. Нового они поставить не могли, потому что это сегодня дорого. А Париж без новенького не может, старенького здесь не надо...

Васильев с немалой долей иронии говорит о нынешней внезапной вспыхнувшего интереса нуборюссы к Сергею Пав-

ет. Помимо одаренности, должна прийти сила имени...

— Скажите, Саша, а кого бы вы назвали экспортной звездой — из тех, кто осел в Париже?

— По-прежнему Плисецкую. Несмотря на ее возраст, билеты на Майю Михайловну расхватывают, как горячие пирожки.

— Та самая магия имени?

— Магия имени и магия таланта. Я видел ее в последний раз на сцене театра Пьера Кардена на премьере «Безумная из Шаю». Это даже мимическая партия — не танцевальная. Но, знаете, она выходила, поднимала в воздух руки — и зал замирал. Конечно, даже сегодня, несмотря ни на что, Плисецкая — величина первостепенная. Я бы сказал, меркнущие технические возможности, но немеркнущий талант...

Зря бороды порубили?

Беседа возвращается на нашу грешную отчину и к предмету, близкому душе Васильева, — к моде. Из публикаций в зарубежной прессе я знаю: он теоретик прямой зависимости между политико-социальными процессами и эволюцией моды. Так, прелюдия к стилю 90-х видится ему в окончании «холодной войны», крушении берлинской стены, эпидемии СПИДа. Подобно экстрасенсу, распознающему бо-

Владимир СИМОНОВ

Нуборюссы

ловичу Дягилеву. В России вдруг возникла масса центров его имени, и всех их вдруг разом осенила блестящая идея возродить дягилевские «Русские сезоны». Естественно, на экспорт. Показать за границей за СКВ, чего она недооценила в 20-х.

Эта идея, считает Васильев, самая святая наивность. Прежде чем возродить «Русские сезоны», стоило хотя бы заглянуть в парижскую афишу последних десяти лет. Тогда станет ясно, что репертуар Дягилева восстановлен многократно, причем замечательными труппами западных исполнителей. И восстановлен специалистами — теми, кто работал с Михаилом Фокиным, кто работал у самого Дягилева или у преемника Дягилева полковника де Базилля.

О последнем в застойной, помешавшей на своем балетном превосходстве России вообще мало кто слышал. А полковник де Базиль — настоящее имя его Воскресенский — купил все декорации и костюмы после смерти Дягилева и в течение тридцатых — сороковых продолжал поездки по Европе, Северной и Южной Америке. Дягилев умер в 1929-м, а труппа де Базилля закрылась в 1949-м. Таким образом, «Русские сезоны» существовали еще двадцать лет! Причем почти с тем же составом танцовщиков, какой был у Дягилева. И об этом у нас никто вроде бы не ведал.

— Так что же мы будем Дягилева привозить, чем заманивать? — восклицает Васильев. — Репертуаром «Шехерезады», «Петрушки» и «Жар-птицы», на котором нью-йоркский «Джюффи-балет» специализируется? Эти вещи новы для нашего зрителя — он их видел в последний раз до 17-го года. Но мир по ним не соскучился...

Васильеву кажется, что нуборюссы это не совсем понимают. Может быть, им надо, наоборот, дать Западу отдохнуть от нетленных «Русских сезонов»? Открыть для себя какие-то другие континенты и, главное, вести с собой что-то воистину свежее? Можно, конечно, без конца воспроизводить матрешки, теперь уже с лицом Горбачева или Ельцина, можно без конца писать фальшивые иконы или церковники-луковки, которыми битком забит Арбат.

Но заражать той же плоскостью понятий коммерцией высокие музы, балет? Как о чем-то крайне серьезном и прискорбном Васильев говорит о культуре артистического да и просто бытового поведения нуборюссы.

Ее, этой культуры, попросту нет. Наши охотники за валютой, видно, не читали советы Карниге насчет того, как завоевывать друзей, а ведь это трамплин любой творческой карьеры на Западе. Нуборюссы не только не изучают положительного отношения к людям — у них просто нет желания общаться с кем бы то ни было, кроме кассира.

— Состебственник наш приезжает страшно озлобленным. Такое ощущение, что для него все вокруг враги, все мешают что-то ухватить, заработать на автомобиль, на видео... Это какой-то кошмар!

Обычно новые русские или не умеют себя ценить, или, напротив, загигают такие цены, что им отказывают в контракте, рассказывает мой собеседник. Чаще всего это случается на парижской оперной сцене. Многие нуборюссы, спев несколько партий, заламывают гонорары, которые почли бы за честь Паваротти, Доминго или Теканова. Может быть, они не хуже, но западная публика их еще не зна-

лезни по какому-то биоизлучению, художник пытается определить по московской моде нынешнее состояние российского общества.

— После тех 11 лет, что я прожил в эмиграции, первое, что бросается в глаза, — это, конечно, целый класс нуборюсшей. Нуборюссы только тшатся стать нуборюсами на Западе. А те уже расплодился тут, в родной России. Их дамы надменно демонстрируют нам меха, давно запрещенные во многих странах. В Нью-Йорке, например, сейчас в норке появиться просто

мало богатых людей — аристократии, буржуазии, купечества, — европейские дома не продавали своих моделей в Москве. Они продавали их русским в Париже. Это было признание права России на локальную русскую моду, на свою самобытность. Поль Пуаре, знаменитый парижский дизайнер, приехал было в 1912 году в Москву и Петербург со своими манекенщицами. Девушки понравились, а модели провалились. Это было не по-русски...

— Я думаю, традиции русского народного, купеческого, мещанского костюма настолько у нас в крови, что в России всегда будет в моде нечто малявинско-кустодиевское. Может быть, в этом была ошибка Петра I? Может быть, зря он бороды порубил и вот сейчас это нам аукается?..

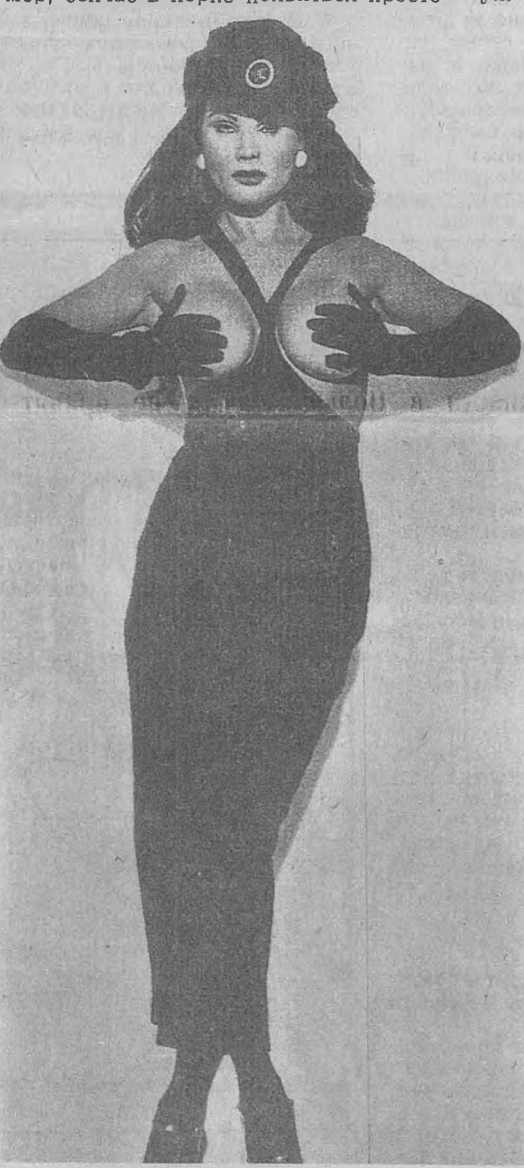
К себе куда?

..В коридоре уже сгрудились чехоманы — сегодня Васильев, французский гражданин из удачливых нуборюссы, уезжает. Как сказать: к себе домой? К себе в эмиграцию? Он сам того, кажется, не знает. Знает другое: эмиграция уже преподнесла России огромный подарок — сохранила культуру, литературу, которую отдала ей в последние годы щедро, без остатка.

Теперь у нуборюссы, у тех, что прижились на новом месте, оперились, прикоснулись к успеху, — новое призвание. Нужно бы не обойти своим милосердием Россию в трудный для нее час, помочь выжить ее культуру из долговой ямы и, может быть, со временем вернуться к родным берегам, увлекая за собой поток зарубежной культуры, живительную иностранную кровь.

Вот то новое, что должно произойти, считает Васильев. Должны зарубежные гастролеры приехать в Россию, здесь свое призвание, а не наоборот. Здесь им должно быть интереснее и дешевле жить. А жить в Москве будет интересно, когда она станет космополитической столицей, какой стали Париж, Лондон, Нью-Йорк. С космополитической культурой, а не складом матрешек, с цивилизованными кафе, а не мордобойными забегаловками, с подлинной богемной жизнью, а не тусовкой...

Все это прекрасно, думаю я, слушая прощальный монолог моего героя. Но почему, скажите ради Бога, почему эта набросанная его широкими, сочными мазками Москва так уныло похожа на незабвенные Нью-Васюки?..

С какими лекциями гастролировала недавно в университетах США некая нуборюска из Петербурга Наташа Александровна? Правильно, о междонародном положении. Ей удалось сокрушить стереотип русской женщины, «и рук к тому не приложив», провозгласив журнал «Тайм», публикующий этот снимок.

страшно — защитники животных красной из баллончика окатят, да и вообще мех — вроде бы антиэкологично... С другой стороны, потрясает обнищание, от которого щемит сердце и все разговоры о моде кажутся кощунственными. Для большинства россиян мода — это просто одежда. И у нее две тенденции — когда холодно и когда тепло...

Васильев завидует московским творцам высокой моды: их так мало, а дам-нуборюсшей так много и каждая мечтает обзавестись новым пальто. Господом Юдашкину и Зайцеву очень повезло — это золотой миг их карьеры. У них есть богатые клиенты, богатые покровители. И никакой конкуренции.